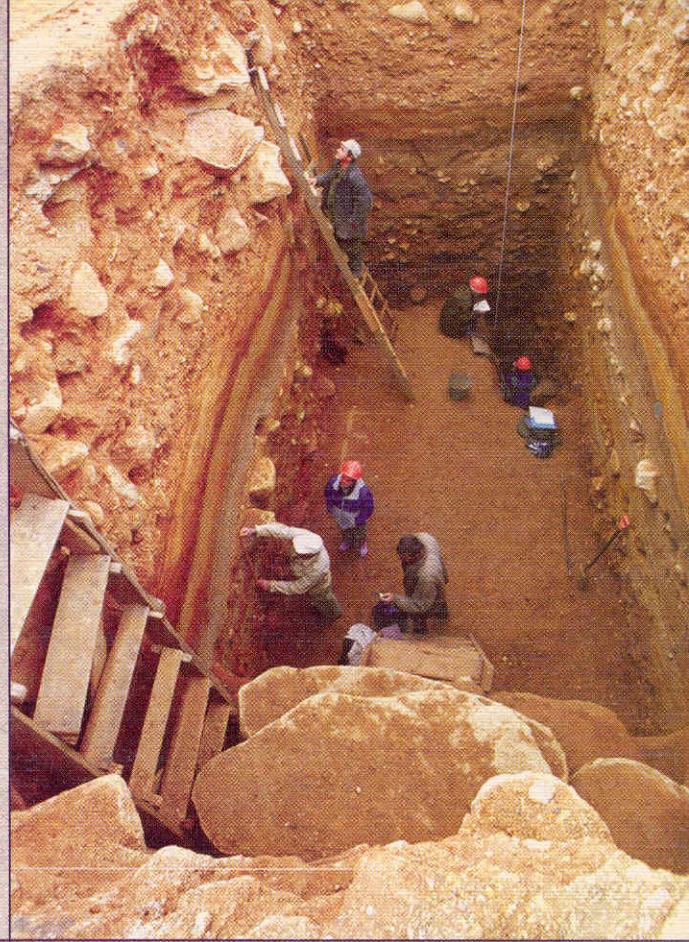

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

Том I

Материалы Всероссийского археологического съезда
(23–28 октября 2006 г., Новосибирск)

Ответственные редакторы
академик *А.П. Деревянко*
академик *В.И. Молодин*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2006

ББК Т 4(2)
С568

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Организация Всероссийского археологического съезда и издание материалов
осуществлены при финансовой поддержке Президиума СО РАН,
проектов РГНФ № 06-01-14044 и РФФИ № 06-06-85006.

Исследования выполнены в рамках программ Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным
и техногенным трансформациям», «Происхождение и эволюция биосфера»
и проекта Рособразования – РНП 2.2.1.2183.

С568 Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии
и этнографии СО РАН, 2006. – Т. I. – 492 с.

ISBN 5-7803-0149-2

Материалы Всероссийского археологического съезда отражают широкий спектр исследований по актуальным проблемам современной археологии. Тематика докладов охватывает вопросы развития культурных традиций от палеолита до средневековья, взаимоотношений древних культур и природной среды, этногенеза народов Евразии, изучения первобытного искусства, теории, методики, историографии археологии, сохранения археологического наследия России.

Для археологов и специалистов смежных научных дисциплин.

ISBN 5-7803-0149-2

ББК Т 4(2)

© Институт археологии и этнографии СО РАН

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Беляев Л.А.	
АРХЕОЛОГИЯ МОСКВЫ	
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	3
Васильев С.А.	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ	
И ФОРМИРОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ О ПАЛЕОЛИТЕ	13
Гуляев В.И.	
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОДОНЬЕ	
В СКИФСКУЮ ЭПОХУ	
(V–IV вв. до н.э.)	16
Деревянко А.П.	
ПРОБЛЕМА ЗАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНИМИ ПОПУЛЯЦИЯМИ ЧЕЛОВЕКА ЕВРАЗИИ	25
Кирпичников А.Н.	
ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВАЯ	
И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ	
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	34
Кузнецов В.Д.	
ИССЛЕДОВАНИЯ В ФАНАГОРИИ	40
Макаров Н.А.	
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	43
Молодин В.И., Парцингер Г.	
ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКА ЧИЧА В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ	
(ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОБЛЕМЫ)	49
Пряхин А.Д.	
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ (РУССКОЙ, СОВЕТСКОЙ, РОССИЙСКОЙ).	
ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ В СТРАНЕ	56
Савинов Д.Г.	
ДИНАМИКА ДРЕВНЕТЮРКСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	64
Шер Я.А.	
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ	68
Эпов М.И., Молодин В.И., Чемякина М.А.	
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	76
Янин В.Л., Носов Е.Н.	
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДОВ СЕВЕРНОЙ РУСИ	
(ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ)	91

Я.А. Шер

Кемеровский государственный университет, Кемерово

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Введение

Изучение памятников первобытного искусства, в которых отражена духовная культура древнего человека, занимает все более заметное место в работе археологов, этнологов, историков первобытного общества, искусствоведов, музеиных работников и других представителей гуманитарного знания. Яркий феномен палеолитического искусства привлекает и долго будет привлекать всеобщее внимание своей неожиданной стилистической целостностью и загадочностью. Сейчас, когда изображения эпохи верхнего палеолита обнаружены почти на всех континентах и с каждым годом их количество прибавляется, интерес к этому феномену возрастает и у представителей естественных наук: психологов, психиатров, нейрофизиологов и др.

Наряду с живописью и пластикой каменного века, не меньшее значение имеют изобразительные памятники более поздних периодов. Они демонстрируют определенную динамику изменчивости во времени и пространстве, хотя и не всегда понятную, но стимулирующую размышления о причинах и механизме этой изменчивости, о ее связи с другими культурно-историческими процессами или, наоборот, об относительной самостоятельности. Исследование памятников первобытного и древнего искусства, и особенно, наскальных изображений, превращается в самостоятельное направление археологии. Здесь есть свои плюсы и минусы, о которых речь пойдет ниже. Тем важнее представляется задача изучения и обобщения накопленного в этой области научного и методического опыта.

При изучении первобытного искусства перед исследователем, наряду с традиционными археологическими задачами (описание, датировка, интерпретация и т.д.), возникают специфические проблемы, присущие именно данному виду археологических памятников. Одной из них является проблема более четкого определения какое искусство следует считать первобытным. Необходимо также понять, в чем состоит отличие первобытного искусства от более позднего и современного. При полевых исследованиях возникает отличная от общеархеологических задача достоверного копирования и описания изображений. В последнее время особую остроту приобрела проблема сохранения и музеефикации памятников первобытного искусства под открытым небом. Существует еще ряд проблем: анализ стилей, датировка и синхронизация, семантическая дешифровка и, наконец, самая сложная – проблема происхождения искусства.

Разумеется, в данном докладе невозможно сразу охватить все перечисленные задачи. Да в этом и нет необходимости, потому что автору уже приходилось излагать свои соображения по большинству из затронутых вопросов [Шер, 2000; 2004; и др., более ранние публикаций] с надеждой на дискуссию. К сожалению, полноценной дискуссии пока не получилось.

Между тем уже после того, как были сданы в печать упомянутые выше статьи, произошли новые открытия, увидели свет новые публикации, стали более заметными смещения некоторых приоритетов. В частности, все большую актуальность приобретают задачи сохранения и музеефикации изобразительных памятников, находящихся на открытом воздухе (наскальные рисунки, стелы, изваяния). Они особенно актуальны для нашей страны, поэтому представлены в данном докладе на первом месте. Вторая тема, избранная для данного выступления – происхождение искусства. Мне представляется, что за последние годы все больше подтверждается гипотеза естественно-исторического генезиса изобразительной деятельности.

Сохранение и музеефикация

Пещеры с изображениями, петроглифы, каменные сооружения, изваяния, оленные камни больше других подвержены разрушению, поскольку они не погребены в культурных слоях, а расположены на открытых и вполне доступных местах. Положение под открытым небом влечет за собой, с одной стороны, постоянное разрушительное воздействие атмосферных явлений, а с другой – доступность для нежелательных посещений.

Все разрушения памятников древнего искусства делятся на два вида: природные и антропогенные, которые особенно усилились в последнее время. Если в течение предшествующих тысячелетий природные факторы действовали очень медленно, то за последние 50–60 лет произошло катастрофическое ускорение действия первых за счет вторых. Печальный пример ущерба от неконтролируемого потока посетителей представляет собой пещера Ляско (Франция), на опыте «лечения» которой (1963–1981) были выработаны правила организации осмотра подобных памятников туристами во всей Западной Европе. Весьма прискорбно, что самые серьезные потери древнего историко-художественного наследия произошли в России, и особенно, в Сибири. При проектировании Красноярской ГЭС предусматривались средства только на раскопки курганов и поселений в пределах проектного контура водохранилища. О попадающих под затопление многочисленных петроглифах, расположенных на береговых скалах, вообще забыли, и средств на них отпущенено не было. Правда, частично их удалось исследовать по личной инициативе сотрудников, наряду с раскопочными работами. Параллельно с обязательными раскопками курганов и поселений с 1963 по 1970 гг. нам удалось составить научную документацию для более чем 3 000 изображений. Конечно, уровень фототехники 60-х гг. в России был далек от современного, но, тем не менее, наша документация оказалась вполне соответствующего уровня и теперь ее большая часть опубликована.

В результате заполнения подобных водохранилищ в 60–70-е гг. ушли под воду тысячи шедевров древнего искусства на Верхнем и Среднем Енисее, Ангаре и на других реках. Огромные водохранилища изменили местный микроклимат, что ускорило процессы природного выветривания скальных обнажений с петроглифами. Рисунки на береговых скалах этих местонахождений разрушаются буквально на глазах. Но самым прискорбным на Енисее было то, что, когда водохранилище было полностью заполнено, выявились грубые ошибки в его проектировании. Оказалось, что волны постоянно разрушают рыхлую скальную породу. Там, где берег сложен лессовыми почвами, он обваливается в воду вертикальными пластами, обнажая и разрушая курганы и поселения, которые оставались за проектной границей затопления. В итоге за 35 лет береговая линия отодвинулась от проектной на 150–200 м [Формирование берегов..., 1974]. Количество разрушенных памятников, по проекту находившихся вне зоны затопления, не поддается учету. На мониторинг состояния береговой линии и разрушающихся памятников средств и сейчас не отпускается.

Там, где не сооружались водохранилища, действуют другие вредные факторы. Крупнотоннажные грузовики, проезжающие по дорогам недалеко от некоторых памятников (Шишкино, Сулек и др.), передают скальным массивам вибрацию, пагубно воздействуя на их устойчивость, провоцируя процессы их деструкции. Кроме этого, они загрязняют воздух выхлопными газами. Этот вид разрушений растет по мере промышленного освоения территории, увеличения карьеров по добыче различных видов горных пород.

Такие последствия индустриального развития, как кислотные дожди, ухудшают биохимическое состояние скальных поверхностей. Даже простое посещение памятника с благими намерениями может вызвать нежелательные последствия для его сохранности. Посетители вытаптывают траву на естественных площадках для осмотра, а отсюда – оседание пыли на плоскостях с рисунками и их загрязнение. Например, на некоторых петрографических комплексах Австралии в разгар туристского сезона на смотровые площадки укладывают резиновые коврики, предотвращающие вытаптывание травы.

Единственным способом сохранения для науки информации о разрушающихся памятниках является их тщательное документирование на современном уровне и введение этой документации в административный, научный и историко-культурный оборот. Параллельно, там, где это еще возможно, необходимы действия по их охране, консервации и реставрации.

Не только в СССР и в России, но и в ряде других стран работы по консервации и реставрации памятников наскального искусства ведутся разрозненно, без единой стратегической программы. Энтузиазм малоквалифицированных ревнителей приводит к обратным результатам, иногда с катастрофическими последствиями. На Енисее под горой Оглахты с благородной целью спасти от затопления наскальные рисунки сотрудником Абаканского музея был взорван большой скальный блок с ценнейшими петроглифами. Расчет на то, что он отвалится целиком, был изначально абсолютно безнадежным в силу характера породы (слоистый девонский песчаник). Блок рассыпался на мелкие кусочки. К счастью сохранилось фото 1963 г., сделанное во время разведки на всякий случай, поскольку работы по его полномасштабному копированию планировались на следующий год.

Наиболее квалифицированно реставрационные работы по петроглифам ведутся у нас сотрудниками отдела реставрации камня Государственного Научно-исследовательского института реставрации (Москва). За последние годы проведены реставрационные работы на местонахождениях Шишкино, Тальма, Воробьево; начаты реставрационные работы на Томской писанице и на Сулеке.

Мировой опыт показывает, что ведущая роль в законодательном регулировании и организации деятельности по охране и использованию археологических памятников принадлежит государству. В большинстве стран существуют специальные государственные органы, ведающие национальным историческим и культурным наследием, облеченные широкими правами и обеспеченными финансами. Эти органы координируют деятельность различных ведомств по изучению и пропаганде исторического наследия в сфере образования и туризма, по их охране, музеефикации и т.п. Во многих странах археологические памятники находятся в частной собственности, и объявление их национальным достоянием не обязательно связано с их национализацией, но обязательно требует учета и контроля за сохранностью и определяется нормами законодательства, соблюдение которых обязательно для частного владельца.

Роль государства состоит не только в законодательном оформлении деятельности по сохранению и использованию памятников древней культуры. Государство должно также обеспечить организационную и финансовую поддержку этой деятельности и не только через специально уполномоченные государственные органы охраны памятников, но и поддержкой местных научных учреждений и общественных объединений, способных на постоянной основе осуществлять мероприятия по исследованию, сохранению и использованию археологических памятников. Это может быть музей-заповедник, ландшафтный парк, исследовательский центр при высшем учебном заведении, неправительственная организация, например, Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства (САИПИ).

В большинстве стран памятники древней культуры, независимо от формы собственности, являются национальным достоянием и находятся под защитой государства. С 1979 г. в мире формируется «Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО», в который входит целый ряд памятников первобытного искусства (на сегодняшний день – 23). Помимо памятников таких развитых стран, как Австралия, Франция, Швеция, Италия и др., в этом списке можно видеть Зимбабве, Ливию, Гватемалу, Ботсвану. В 2004 г. при поддержке САИПИ в этот список был включен комплекс Тамгала (Казахстан). К сожалению, пока в этом списке нет ни одного памятника первобытного искусства, расположенного на территории России. Включению в список ЮНЕСКО предшествует довольно сложная процедура. Успех прохождения этой процедуры во многом зависит от отношения органов власти и местного сообщества, от признания ими общекультурной ценности памятника и понимания ответственности за его сохранение для нынешних и будущих поколений. При этом также важны финансовые возможности территории, способность организовать управление памятником, и, наконец, воля конкретных личностей, которые берут на себя труд провести процедуру включения памятника в этот список. Как правило, включение в список ЮНЕСКО происходит при поддержке национальных правительств, имеющих большую заинтересованность в этом. Присвоение статуса всемирного наследия дает реальный шанс для включения объекта наследия в социально-экономическую жизнь и превращения его в своеобразный культурный «брэнд» территории. Кроме того, этот статус повышает возможности привлечения дополнительных средств для сохранения памятника.

В нашей стране в советское время за редким исключением сохранение археологических памятников, а значит и памятников первобытного искусства, сводилось в лучшем случае к постановке на учет в органах по охране памятников. Но это было и до сих пор остается чисто формальной процедурой, никого ни к чему не обязывающей. Широкое использование памятников в туристских и образовательных целях, и тем более, их включение в процессы социально-экономического развития территорий, стало осознаваться только в последнее время, но пока без реальных результатов.

В соответствии с Федеральным законом РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (25.06. 2002 № 73-ФЗ) под государственной охраной объектов культурного наследия понимается «система правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных мер», которые должны осуществлять органы исполнительной власти и специально уполномоченные государственные органы охраны памятников. Закон предусматривает также ответственность собственника, на землях которого находится памятник истории и культуры, за его сохранность и регулирует создание охранных и заповедных зон. В целом – хороший закон. В нем предусмотрено почти все, за исключением одной «мелочи»: для его реализации нужны средства, а поскольку на культуру у нашего государства средств никогда нет, то закон не работает, и это, несмотря на гарантии сохранности «объектов культурного наследия народов РФ в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации», не мешает мафиозным структурам грабить археологические памятники.

Памятники первобытного искусства на открытом воздухе – самая незащищенная часть нашего культурного наследия, которое накапливалось тысячи лет, а исчезает за десятилетия. Невозможно обеспечить их охрану без воспитания уважительного отношения к ним. Практика показывает, что запретительные меры, как правило, не дают нужного эффекта. Выше уже шла речь о том, что древние памятники гибнут и от деятельности самого государства: строительство дорог, гидростанций и других сооружений. Тысячи петроглифов были затоплены в результате строительства сибирских ГЭС, десятки каменных изваяний Алтая, Хакасии, Тувы повреждены гусеницами тракторов. Это свидетельствует о том, что общество в целом относится равнодушно к невосполнимым ценностям истории и культуры. Для преодоления этой бездуховности необходимо целенаправленно вести пропаганду сохранения памятников древней культуры.

Все же за последние годы, в связи с ростом благосостояния и развитием местного туризма, внимание населения к этим памятникам растет с каждым годом. Этот общий интерес людей к своей истории необходимо поддерживать, удовлетворять и направлять. Такую работу можно осуществить только совместными усилиями научных и учебных учреждений, общественных организаций, органов охраны памятников и средств массовой информации.

Задача охраны и музеификации изобразительных памятников, находящихся на открытом воздухе: петроглифов и каменных изваяний, – относительно новая, особенно в условиях нашей страны, когда далеко не все слои населения прониклись сознанием того, что памятники древнего изобразительного искусства представляют собой общественное достояние, часть духовного богатства и историко-культурного наследия всего человечества, имеющего огромную ценность, не измеряемую никакими деньгами. Сведения о памятниках первобытного искусства и их значении должны быть включены в школьные курсы по истории и краеведению. Таким образом, с раннего возраста у человека должно складываться уважительное и бережное отношение к памятникам истории и культуры.

Формирование необходимого общественного мнения – дело медленное и нелегкое. В этой связи на первый план выступают задачи просветительные, и прежде всего среди детей, школьников и студентов. Великовозрастный турист, выбивший зубилом по древним рисункам надпись «здесь был Вася», в значительной мере потерян для такого воспитания. Если с детства он не был воспитан в духе бережного отношения к древнему художественному наследию, то по мере его взросления восполнить эти пробелы будет все труднее. И совершенно другое дело – дети. Достаточно присмотреться к их одухотворенным лицам на выставке древних петроглифов, чтобы понять, что осмысление, и понимание необходимости бережного отношения к древнему искусству войдет в их сознание на всю жизнь и не в результате назидательных сентенций, а через собственный внутренний духовный мир.

Упомянутое выше отпочкование самостоятельного направления, которое уже получило название «петроглифоведение», наряду с достоинствами, имеет определенные недостатки, которые при своевременном распознавании можно устраниТЬ. Специализирующиеся на изучении изобразительных памятников студенты и аспиранты все больше отдаются от раскопочной археологии, что неизбежно сужает их исследовательский кругозор. Защита диссертаций по первобытным и древним изобразительным памятникам происходит по специальности «археология». Однако уже случалось так, что степень кандидата наук по археологии получает соискатель, не только самостоятельно не раскопавший в своей жизни ни одного памятника, но иногда даже вообще не участвовавший в раскопках.

Происхождение искусства

Вопрос о происхождении искусства (точнее, изобразительной деятельности) в последние годы привлекает внимание все большего количества исследователей и получил значительно более широкое отражение в литературе, чем раньше. Напомню, что давно существующие гипотезы (трудовая, магическая, религиозная, эстетическая, игровая, натурального макета и др.) в лучшем случае пытались ответить на вопрос «что предшествовало искусству», но не – «как оно возникло».

В последние годы сформировалась новая гипотеза, которая сначала получила название «гипотеза информационного взрыва», но ей намного больше соответствует название «естественно-историческая», поскольку имеются в виду природные, нейрофизиологические факторы, влияющие на психологию *Homo sapiens sapiens* (далее для краткости – сапиенс) как объекта и субъекта истории.

В основе этой гипотезы лежит допущение о том, что 40 000 л. н. сапиенс обладал таким же нейрофизиологическим «устройством», как и современный человек. Если это допущение верно, а сомневаться в этом пока нет оснований, то все виды символических действий, присущие кроманьонцу, складывались на основе тех же функций системы высшей нервной деятельности, которые действуют и сейчас. Это позволяет, разумеется с

некоторыми поправками на время, переносить наблюдения над современными психофизиологическими «механизмами» символических действий на аналогичные действия в поведении древнего человека. Конечно, за 40 тысячелетий не могло не накопиться различий, но они не затрагивают главных нейрофизиологических функций. Прежде всего, различия должны были проявляться в степени осознанности тех или иных действий при создании изображений. Однако известно, что и сейчас современный художник не может четко и последовательно объяснить, как у него происходит процесс творчества. Феномен творческого вдохновения во многом остается загадкой и для искусствоведов, и для психологов.

Для того, чтобы у сапиенса появилась способность к созданию изображений (равно как и способность к другим формам знакового поведения, например к членораздельной речи, музыке и т.п.), необходима весьма высокая степень психологической «готовности» к такому поведению. Одним из важнейших показателей такой готовности является определенный уровень функциональных асимметрий: моторной, сенсорной и психической, особенно последней, которая напрямую зависит от глубины разделения функций между полушариями головного мозга.

Напрашивается аналогия с изменениями энтропии любой термодинамической или информационной системы. Если по мере упорядочения и усложнения системы ее асимметрия растет, то соответственно энтропия той же системы должна уменьшаться. Возможно, асимметрия выполняет некую, не вполне еще изученную антиэнтропийную функцию не только в природе, но и в культуре.

Фундаментальный характер явления асимметрии для всего мира природы и общества позволяет думать, что межполушарная функциональная асимметрия головного мозга человека является одновременно и частью общей тенденции к усложнению асимметрии в живой природе и, по-видимому, самым сложным и высокоорганизованным «механизмом» высшей нервной деятельности. Унаследовав церебральную асимметрию от животного мира, эволюция человека развila и качественно преобразовала способность левого полушария к абстрактно-понятийному отражению. Это преобразование осуществлялось и развивалось под влиянием разных факторов, в том числе, членораздельной речи, частичной взаимозаменяемости функций логического и образного мышления, а также при обратной связи с точными действиями рук – главных органов труда. Нужно отметить, что «под влиянием» не следует понимать как «по причине». Латеральная специализация полушарий возникла в эволюции не в связи с появлением речи и праворукости, и не обусловлена трудовой деятельностью. Ведь действительно, речь, как и праворукость и все другие проявления чисто человеческой деятельности, были не причиной асимметрии мозга, а, наоборот, – ее порождением. И труд не создает асимметрию, а способствует ее развитию.

Центр речи и дискретного логического анализа восприятия внешнего мира в норме (т.е. у правшей) находится в левом полушарии. Активизация функций левого полушария привела к более дифференцированным и точным действиям правой руки. В то же время целый ряд этих манипуляций невозможен без параллельного взаимодействия с правым полушарием [Иванов, 1978, с. 23–25].

Все без исключения исследователи так называемых примитивных народов единогласно подчеркивали выдающиеся свойства их памяти, и особенно – памяти пространственной. Л.С. Выготский и А.Р. Лuria показали, что по мере врастания примитивного человека в культуру наблюдается спад этой памяти, уменьшение ее, подобно тому, как такое уменьшение происходит по мере культурного развития ребенка [1993, с. 85–87].

Функции образного мышления, интуиции и восприятия пространственных соотношений сосредоточены в правом полушарии. «Правополушарное мышление» четко отражено в тех особенностях языковaborигенов Австралии, Африки, Северной и Южной Америки, которые были описаны еще путешественниками XVIII–XIX вв. [Леви-Брюль, 1994, с 114–143]. Иными словами, правое полушарие тоже «говорит», но другим языком – не словесным, а образным.

Свойства «правополушарного мышления» важны для понимания особенностей поведения первобытного человека и могут объяснить многие магические и ритуальные действия (см., напр.: [Уолш, 1996]). Употребление некоторых слов, например заклинаний, вызывает у испытуемого так называемые «безотчетные» эмоции, создающие психологический дискомфорт и даже стресс. В норме правое полушарие обрабатывает информацию быстрее, чем левое. Но если на человека воздействовать, например, алкоголем или дурманящими веществами (ср. действия шамана), наблюдается безусловное торможение реакций и усиливаются отрицательные последствия «безотчетных» эмоций. Эти данные позволяют более конкретно подойти к рассмотрению многих явлений в первобытной культуре, которые объединяются в расплывчатом понятии «психология бессознательного» (см., напр.: [Леви-Стросс, 1983; 1994]).

Итак, функциональная асимметрия мозга – явление, свойственное всей живой природе, – у человека достигло очень высокого уровня и стало одним из условий нормального развития высших психических функций, например, способности к чтению и членораздельной речи» [Ожигова, 1989, с. 205] (см. также: [Спринтер,

Дейч, 1983; Geschwind, 1970; et al]). Усиление межполушарной асимметрии головного мозга положило начало формированию двух типов нервной системы, названных И.П. Павловым «художественным» и «мыслительным».

Любой акт создания того или иного изображения на плоскости или в объеме можно представить в виде процесса, состоящего, по крайней мере, из трех взаимосвязанных звеньев: 1) визуальное образное восприятие, т.е. сложный механизм переработки информации сознанием, при котором проецируемое на сетчатку двумерное отражение видимой части объекта транслируется в соответствующие центры мозга; 2) формирование трехмерного образа объекта в сознании по его двумерному отражению на сетчатке, т.е. «додумывание» невидимой части объекта («мы видим не глазами, а мозгом»); 3) возвращение к двумерному пространству при рисовании на плоскости или к трехмерному – при создании объемного изображения (статуэтки), но в любом случае изменившемуся по масштабу, цвету, стилистике и т. п.

Если в двух первых звеньях главным «действующим лицом» является мозг со своими функциями, то в третьем звене решающую роль приобретает рука, управляемая импульсами, идущими от мозга*. В большинстве публикаций, по разным проблемам антропогенеза, особенно в русскоязычных, рука рассматривается почти исключительно в контексте формулы «человека создал труд», хотя на самом деле к этой формуле следует добавить речь и искусство.

В формировании психофизиологических предпосылок искусства сама рука и ее «конструкция» занимают, по-видимому, не первое место. Известно, что рука *Homo erectus* анатомически мало отличалась от руки *Homo sapiens sapiens* [Delprat, 1993, с. 9]. Рука неандертальца отличается от руки кроманьонца, в основном, в пястных костях, не давая полной свободы большому пальцу, а также в форме фаланг, которые у неандертальца сильнее выгнуты, чем у человека [Oberlin, Sakka, 1993, с. 18–31]. Усложнение и совершенствование ручных манипуляций, свойственные современному человеку, продолжались не столько в силу изменений морфологии руки, сколько за счет изменений в голове. Рука и кора головного мозга постоянно взаимодействуют и стимулируют друг друга подобно действию генератора с обратной связью.

Если главную роль в совершенствовании точных действий играет не рука, а сознание, то мог ли рисовать неандертальец? Физически и морфологически его рука уже была способна к достаточно точным действиям. Однако на протяжении последних 60 тыс. лет своего существования он не смог подняться в самой повседневной и массовой трудовой деятельности выше леваллуазской техники (подробнее о технике леваллуа и запутанности всей проблемы см.: Деревянко и др., 1994, с. 102–104). Исключением является шательперрон, который, по-видимому, был результатом длительного сосуществования европейского неандертальца с кроманьонцем и заимствованием первым у второго некоторых технологий обработки камня. Возможно, какие-то отдельные, редкие индивиды, по принципу «забегания вперед» и могли подняться выше «среднего» уровня сознания неандертальца и создавать вещи, подобные находкам на стоянках Берехат-Рам и Тан-Тан. В любом случае дело все же не в руке, а в уровне сознания. А что значит «уровень сознания» с точки зрения функциональной межполушарной асимметрии? Это значит – появление способности к членораздельной речи и к изобразительной деятельности. Переход от мустье к верхнему палеолиту проявился не только в резком изменении технологии обработки камня, но и в многочисленных плоских и объемных изображениях, появившихся как бы «из ничего».

Клинический материал по изобразительной деятельности шизофреников иногда создает предпосылки для гипотезы о том, что верхнепалеолитические художники были людьми с психическими патологиями. Большое количество рисунков душевнобольных людей и связь их творчества с характером симптомов дает много пищи для размышлений об этой гипотезе. Но пока еще эта гипотеза не подтверждена и не опровергнута. Из недавних работ на эту тему отметим книги [Николаенко, 2001; Хайкин, 1992; Wiart, 1967], в которых вопрос о творчестве душевнобольных рассмотрен профессионалами на большом клиническом материале.

Многочисленные наблюдения над художниками с патологиями в правом или левом полушарии дают весьма пеструю картину. У немецкого художника Л. Коринта после повреждения правого полушария радикально изменился стиль, но уровень его мастерства остался таким же высоким, как и до болезни. Цельность изображений не пострадала. А. Редершайдт после правостороннего инсульта продолжал писать картины с присущим ему блеском. Поначалу он игнорировал левую половину холста, однако со временем такая асимметрия исчезла. Один из французских художников с патологией левого полушария и афазией продолжал писать в том же стиле и с таким же мастерством, что и раньше. Болгарский живописец, который был вынужден держать кисть в левой руке после паралича, вызванного левосторонним инсультом, овладел высокой техникой, но у него выработался совсем иной стиль. Д. Леви считает, что при патологиях правого полушария рисунки утрачивают целостность

* Исключительные случаи, когда люди, лишенные рук, рисуют инструментом, зажатым зубами или пальцами ног, ничего не меняют, а наоборот, подчеркивают приоритетную роль сознания, которое может направить импульсы, управляющие рукой, в другой орган – «заместитель».

общей конфигурации. Главные особенности изображаемого объекта отсутствуют или искажены почти до незнаваемости. При поражении левого полушария основная конфигурация объекта обычно воспроизводится, но рисунок обеднен деталями. Возможно, что процессы, играющие важную роль в художественном творчестве, представлены у художников более «двусторонне», так что взаимодействие полушарий у них осуществляется на более широкой основе [1995, с. 234–237].

Из допущения о единой психофизиологической основе искусства следует еще одно допущение, связанное с биогенетическим законом (онтогенез в ускоренном темпе повторяет филогенез): в качестве модели зарождения изобразительной деятельности можно использовать творчество современных детей. Первые предположения о сходстве детских рисунков с первобытным искусством относятся к началу XX в. [Бехтерев, 1991, с. 388].

Несмотря на достаточно большой опыт изучения детского рисунка за последние почти сто лет, остается неясным один из главных вопросов: как ребенок начинает рисовать? Особенно в той ситуации, когда его никто не учит или ему некому подражать. Для нашей темы это особенно важно. В современных экспериментах практически невозможно установить, начинается ли детское рисование действительно спонтанно, как это считают многие специалисты, или все же должен быть некий первичный стимул? Наблюдения А.Р. Лурия говорят скорее о том, что без соответствующей среды навыки рисования не формируются, а Н.Н. Николаенко считает, «что рисование генетически заложено в жизнь и деятельность ребенка, является частью его эмоционального, духовного, интеллектуального развития» [2001, с. 47]. В этом можно увидеть сходство между поведением детей и детенышем высших обезьян.

Работы Д. Морриса показывают, что до определенного момента и дети, и шимпанзе проходят в рисовании одинаковые стадии [Morris, 1962]. Первые в мире наблюдения и научные эксперименты по изучению способностей человекообразных обезьян к рисованию были начаты Н.Н. Ладыгиной-Котс (1923 г.) в рамках ее общих исследований умственных способностей шимпанзе, чья «живопись» создает впечатление, что все, упоминавшиеся выше три звена, из которых складывается изобразительная деятельность, можно наблюдать в «творчестве» обезьян [Lenain, 1995].

Когда шимпанзе дают в руки пишущий инструмент и лист бумаги, подопытное животное может нанести на бумагу какие-то линии, веерообразные фигуры и т.п. – все, что при желании можно назвать зачатками изобразительной деятельности. Есть некоторое сходство с первыми попытками рисования у ребенка: спонтанность, отсутствие какой-либо явной мотивации. Попавший в руки пишущий инструмент простым перебором испытывается на разные свойства (прежде всего, пробуется на вкус) и обнаруживается, что при «черкании» он оставляет линейные следы.

Хорошо известны давние наблюдения и эксперименты В. Келера [Выготский, Лuria, 1993, с. 58], которые многократно повторялись другими исследователями в разных лабораториях и не только с высшими обезьянами [Фридман, 1972, с. 101; Кэрригер, 1969, с. 187–190; и др.]. «Картинки» шимпанзе распродавались за большие деньги наряду с произведениями художников-абстракционистов (например, Институт искусств в Детройте, 1958 г.). Подобный же успех имели «картины» других шимпанзе, выставленные в музее среди живописи современных художников без объявления их авторства [Линден, 1981, с. 92, 118]. В настоящее время в Санкт-Петербургском зоопарке живет самка орангутана Моника. Наблюдения над ней проводит группа сотрудников под руководством Л.А. Фирсова. Моника «рисует» красками и делает это охотно и без всякого побуждения почти каждый день. В ее рисунках, представляющих сочетание ярких пятен и линий, не всегда случайных, чувствуется стремление организовать цветовые пятна и линии и выделить центр.

Отметим, что «успехи» в рисовании у некоторых шимпанзе были связаны с обучением языку (амсленгу и языку жестов). С одной стороны, здесь можно усмотреть сходство с процессом детского рисования и дополнительное подтверждение гипотезы о том, что язык и рисование относятся к единому информационному полю культуры. Но, с другой стороны, нельзя забывать, что все эти эксперименты проводились с обезьянами, живущими в неволе, под наблюдением людей. Не засвидетельствовано ни одного случая подобного «художественного» поведения обезьян на свободе. Еще Ладыгина-Котс отмечала, что рисунки обезьян постепенно улучшались, но очевидно, что уровень развития трех-четырехлетнего ребенка обезьяны перешагнуть не может [1958]. По другим наблюдениям этот уровень кажется сильно завышенным. К. Бюлер предложил называть «шимпанзеподобным» возраст ребенка между 10 и 12 месяцами [Выготский, 1983, с. 317–318].

Действительно есть большое неврологическое и поведенческое сходство между обезьяной и человеком в младенческом и в раннем детском возрасте, что не вызывает особых вопросов, поскольку все детеныши млекопитающих обладают некоторыми общими не только неврологическими и поведенческими, но и даже морфологическими чертами [Дольник, 1994, с. 61]. Однако и поведение взрослой обезьяны больше похоже на поведение ребенка, чем взрослого человека.

Если вернуться к рисованию, то многочисленные экспериментальные исследования изобразительного «творчества» обезьян показывают, что сходство с поведением ребенка наблюдается только в первые годы его жизни и заканчивается после того, как ребенок начинает рисовать пусть неуклюжие, но вполне осмысленные объекты. Этого уровня, как отмечалось выше, не достигает ни одна обезьяна [Кэрригер 1969, с. 183]. Около 5 лет происходит скачок от неполноценных слов кциальному языку, и в этот же период дети начинают рисовать пространство, осознавать связь верха и низа, а начав пользоваться словами для выражения своих мыслей, оказываются способными изображать сцены [Хайкин, 1992, с. 60] (см. также: [Мухина, 1981]). Таким образом, в «рисовании» высших обезьян можно видеть лишь нейрофизиологические предпосылки к изобразительной деятельности людей, некоторые зачатки предметно-орудийной деятельности и эстетических предпочтений, вызванных склонностью к стройной композиции.

До сих пор исследователи палеолитического искусства не обращали внимания на некоторые графические изображения, очень похожие на детские рисунки (см., напр.: [Абрамова, 2005, с. 119, 194, 265; и др.]). В целом ряде пещер с живописью сохранились следы детских ног. Думается, что если к современным исследованиям первобытного искусства добавить дальнейшее целенаправленное изучение детского творчества, мы существенно приблизимся к пониманию того, как, как будто «из ничего», возникла человеческая осознанная изобразительная деятельность.

Список литературы

- Абрамова З. А.** Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. – СПб.: Европейский Дом, 2005. – 352 с.
- Бехтерев В. М.** Объективная психология. – М.: Наука, 1991. – 480 с.
- Выготский Л. С.** История развития высших психических функций // Собрание сочинений в 6 томах, т. 3. – М.: Наука, 1983. – 367 с.
- Выготский Л. С., Лuria A. R.** Этюды по истории поведения. – М.: Педагогика Пресс, 1993. – 224 с.
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А.** Палеолитоведение. Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.
- Дольник В. Р.** Непослушное дитя биосфера. Беседы о человеке в компании птиц и зверей. – М.: Педагогика Пресс, 1994. – 208 с.
- Кэрригер С.** Дикое наследство природы. – М.: Мир, 1969. – 214 с.
- Ладыгина-Котс Н. Н.** Развитие психики в процессе эволюции организмов. – М.: Советская наука, 1958. – 311 с.
- Леви Д.** Церебральная асимметрия и эстетическое переживание // Красота и мозг. – М.: Мир, 1995. – с. 227–250.
- Леви-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика Пресс, 1994. – 608 с.
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – 536 с.
- Леви-Стросс К.** Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 383 с.
- Линден Ю.** Обезьяны, человек и язык. – М.: Мир, 1981. – 272 с.
- Мухина В. С.** Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. – М.: Педагогика Пресс, 1981. – 239 с.
- Николаенко Н. Н.** Творчество и мозг. – СПб.: Ин-т спец. педагог. и психол., 2001. – 344 с.
- Ожигова А. П.** К проблеме эволюции высших корковых центров мозга человека // Биологическая эволюция и человек. – М.: Наука, 1989. – С. 200–219.
- Спрингер С., Дейч Ч.** Левый мозг, правый мозг. – М.: Мир, 1983. – 257 с.
- Уолш Р.** Дух шаманизма. – М.: Изд-во Трансперсональный ин-т, 1996. – 288 с.
- Формирование берегов Красноярского водохранилища / В. С. Кусковский, Ю. И. Подлипский, В. М. Савкин, В. М. Широков.** – Новосибирск: Наука, 1974. – 234 с.
- Фридман Э. П.** Лабораторный двойник человека. – М.: Наука, 1972. – 183 с.
- Хайкин Р. Б.** Художественное творчество глазами врача. – СПб.: Наука, 1992. – 232 с.
- Шер Я. А.** Первобытное искусство: факты, гипотезы, методы и теория // АЭАЕ. – № 2. – 2000. – С. 77–87.
- Шер Я. А.** Спорные вопросы изучения первобытного искусства // АЭАЕ. – № 2. – 2004. – С. 36–52.
- Delprat J.** Phylogénèse de la maine de l'homme // Les Dossiers d'Archéologie. – 1993. – № 178. – Р. 4–11.
- Geschwind N.** The organization of language and the brain // Science. – 1970. – Vol. 179. – Р. 13–17.
- Morris D.** The Biology of Art. A Study of the Picture-making Behaviour of the Great Apes and its Relationship to Human Art. – London: Methuen. – 1962. – 312 p.
- Oberlin C., Sakka M.** Les mains de La Ferrasi // Les Dossiers d'Archéologie. – 1993. – № 178. Р. 18–23; 18–31.
- Wiart C.** Expression pictural et psychopathologie. – Paris: Doin. – 1967. – 144 p.